

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

№ 14
ДЕКАБРЬ 1941 г.
XVIII ГОД ИЗДАНИЯ

Издательство «Правда»
Двухнедельный литературно-художественный и военный журнал ЦК ВЛКСМ

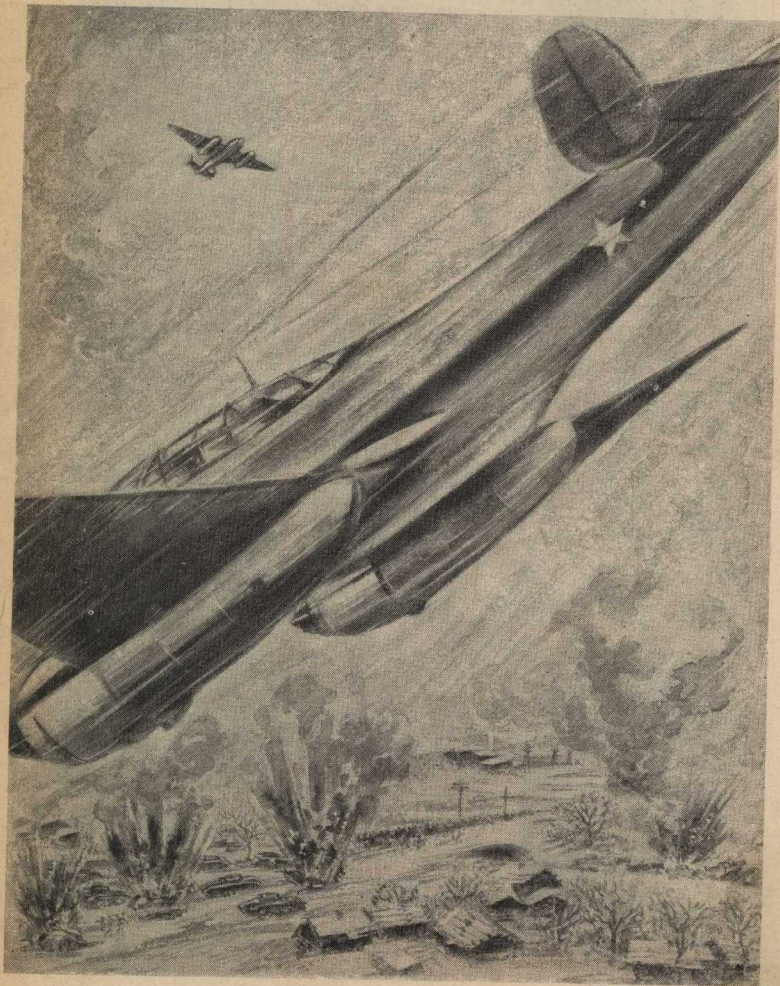

Рисунок Н. Шмелева

МЫ РАБОТАЕМ ДЛЯ ПОБЕДЫ

В первый же зимний месяц великой отечественной войны многие бойцы и командиры в совершенстве овладели техникой войны на лыжах. На лыжах они совершают глубокие рейды в тыл противника, несут разведку, ходят в атаку.

Мебельные фабрики и артели Союза быстро освоили массовое производство лыж. На нашем фото — столяр-стахановец Красноярской мебельной фабрики Горпромкомбината В. П. Заблоцкий, выполняющий в среднем по полторы — две нормы за изготовлением лыж.

У женщин Москвы одна, общая цель — участвовать в защите родины. Многие уехали в армию. Оставшиеся в Москве работают на оборону. Клавдия Острохова выполняет норму на 200—250%. Она обрабатывает деталь противотанковой гранаты.

Ниже — Александра Коровикова за пайкой детали противотанковой гранаты, дает не ниже 175% нормы.

Умеете ли вы стрелять по врагу в городе? Знаете ли вы, как находить наиболее выгодную огневую точку, как пользоваться естественным укрытием?

Молодежь Москвы изучает технику боя в населенном пункте. На этом снимке — слесарь-комсомолец С. Г. Безкоровайный, ученик 10-го класса средней школы А. И. Терлецкий и слесарь А. А. Хакимов на огневом рубеже.

Комсомолка Оля Лебедева — одна из лучших стахановок Н-ской швейной фабрики. Она сортирует готовую продукцию, и ее норма — 200—230% плана.

СДЕЛАТЬ ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ НАД ВРАГОМ!

*Из речи тов. М. И. КАЛИНИНА на собрании комсомольского актива
г. Куйбышева 12 ноября 1941 г.*

Товарищи! Советский Союз в прошлом испытал много превратностей, и на старые поколения выпали тяжелые испытания, требовавшие от них много усилий и жертв. Их жизнь была богата подвигами. Ради чего совершались эти подвиги? Они совершались ради будущего, ради вас. У меня теплилась надежда, что современное

поколение комсомольцев, являющихся любимцем народа, будет расти в более или менее спокойной обстановке, впитывая в себя знания и опыт.

Но, вот видите, на ваше поколение выпадают не менее трудные, а, пожалуй, еще более жестокие испытания. Война сразу как бы ускоряет созревание молодежи. Наш комсомолец из молодого человека, живущего еще минутными радостями, хорошими мечтами о будущем, о любимой девушке, наслаждающегося всеми прелестями жизни, в самый короткий срок превращается во взрослого мужа, чувствует, что всему этому война кладет конец, что этот лучший в жизни человека период сокращается.

Я приведу вам самый обыденный факт. В «Красной Звезде» публикуются записки фотокорреспондента Лоскутова. В них рассказывается о том, как группа наших работников, в том числе автор и кинооператор, пробралась в немецкий тыл, к партизанам. «С нами, — пишет корреспондент, — шел проводник, который стал командиром группы. Командир наш молод, всего 20 лет, но много испытал, много видал. Комсомолец, смелый, настойчивый, сразу полюбился нам. Фамилия его Сережа Зайцев, а мы его звали просто «Зайчик».

Да, вероятно, пять месяцев тому назад он и был «Зайчик», а теперь это командир группы, умудренный боевым опытом. Подумайте, 20-летний юноша пятьдесят километров ведет группу по немецким тылам. Пять месяцев тому назад это был обыкновенный молодой человек, он, конечно, не предполагал быть партизаном и проводником по немецким тылам. Его мысли в значительной мере сводились, вероятно, к тому, чтобы погулять, назначить свидание, потанцевать — все это самые естественные желания в его возрасте. А за пять месяцев он превратился в бойца, в народного мстителя. От юности у него остались беззаветная храбрость и стремление к борьбе, но это уже умудренный жизнью, опытный боец, в руки которого отдадут себя взрослые люди в самые ответственные моменты.

Вы видите, как быстро в наше время юноши превращаются в бойцов, в мужей. В мирное время на это потребовались бы годы. Для тех комсомольцев, которые на фронте, юность уже отошла, они сделались бойцами. У многих из вас есть братья, которые побывали на фронте и возвратились к вам в отпуск или вы встретились с ними по другим причинам. Разве вы не говорите: «Как ты возмужал. Уехал мальчик, вернулся мужчина».

Но это — внешние изменения. У людей происходит и глубокие внутренние изменения. Несомненно, что масса комсомольцев переживает сейчас военную страду. Многие из них уже на фронте, а если не на фронте, то работают на производстве, где тот же фронт. Например, московские комсомолцы, которые работают на производстве, нередко подвергаются налетам вражеской авиации. И надо быть очень устойчивым, чтобы в такие моменты работать с полным самообладанием, с максимальной производительностью.

Еще ближе фронт для ленинградцев. Работает ли ленинградский комсомолец на заводе или с оружием в руках защищает свой город — он на фронте. И оба они — и юный пролетарий Москвы, и юный пролетарий Ленинграда — созрели, сделались бойцами.

Этот же процесс, конечно, происходит и в тылу, только, вероятно, немного более замедленным темпом.

В Куйбышеве сейчас находится часть правительства. Это налагает соответствующую ответственность на трудящихся Куйбышева, на куйбышевский комсомол. Год тому назад, даже пять месяцев тому назад Куйбышев был одним из больших городов, но все-таки одним из многих городов. Свердловск, Чкалов, Новосибирск и другие города не особенно приглядывались к куйбышевцам, они сами областные центры. А теперь здесь ЦК ВЛКСМ. Сюда приезжают комсомолцы из других областей. И они, естественно, присматриваются к вам, к вашим делам, интересуются: а как в Куйбышеве? Они надеются кое-что увидеть, кое-что перенять.

Какая основная задача стоит сейчас перед комсомолом? Она мне кажется совершенно ясной, это — участие в войне. Война — это самый коренной и решающий факт современной жизни. Нет сейчас более важной задачи, как задача — побить врага. Все остальные задачи являются только вспомогательными для этой основной цели — победить врага.

В войне можно участвовать непосредственно и можно участвовать, работая в промышленности во всевозможных военных и тыловых учреждениях. Но, вероятно, большинство из вас не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра будет принимать непосредственное участие в войне. А война эта жестокая. Враг такой, что справиться с ним можно только при большом напряжении.

Поэтому перед комсомольской организацией стоит задача — подготовить комсомольцев к войне, к эффективному участию в ней. Я думаю, что политически каждый из вас великолепно понимает и вполне сознает справедливость нашей войны. Но каждый из вас должен морально подготовить себя к войне. Надо заранее приучиться к фронтовой обстановке.

Надо понять, что война не игрушка, а очень тяжелое испытание. Не случайно, что на войне человек так быстро из зеленого юноши превращается во взрослого мужа, в борца. На войне человек за один или несколько месяцев переживает то, что в мирное время не переживает и за десять лет, а может быть, за одно сражение он переживает то, что не переживает и за полжизни. К этому надо быть готовым. Комсомольская организация, сами комсомольцы должны готовить себя и всю молодежь к участию в войне, подготавливать себя внутренне, чтобы все жестокости войны, все коварство врага вас не сломало.

Что значит подготавливать себя к войне? К ней надо готовиться конкретно. В современной войне применяется огромное количество разнообразных технических средств. Надо не только научиться ими пользоваться для поражения врага, но и уметь сохранить себя как бойца.

Когда товарищ Ворошилов провожал одну из дивизий на фронт, он говорил бойцам: научитесь быстро окапываться. Маршал Советского Союза говорил это кадровым красноармейцам, людям, знающим военное дело, но еще не бывшим на фронте: не жалейте трудов на рытье окопов, работайте лопатой, лопата является спасительницей бойца во время войны, научитесь быстро окапываться.

Я считаю, что если маршал Советского Союза дает такой совет отправляемой на фронт кадровой дивизии, то этот совет еще больше относится к вам, комсомольцам: научитесь орудовать лопатой. Надо добиться того, чтобы каждый из вас, как будущий боец, мог бы за час работы лопатой уйти по грудь в землю, а за два часа быть в окопе уже с головой. И вот одной из конкретных задач является задача научиться окапываться. Если бы я был секретарем вашей городской комсомольской организации, я бы заставил вас ежедневно часа по два копать мерзлую землю и посмотрел бы, как быстро вы овладеваете искусством окапываться. (Смех). Конечно, многие из вас про себя ругали бы меня за это, считали бы это произволом, бессельной тратой времени. (Смех). И те, кто не попадут на фронт, возможно, так и останутся при этом убеждении. Но зато те, кто попадут на фронт, сказали бы мне за это спасибо: как хорошо, что меня приучили к этому раньше, теперь для меня игра — выкопать себе окоп.

Не помню, кажется, Наполеон сказал, что у него каждый солдат за плечами носит маршальский жезл. Это у Наполеона. В Советском Союзе нет особых сословий, которые давали бы преимущество в назначениях, в присвоении военных званий. Это происходит у нас только на основе присущих тому или иному человеку личных его качеств. Вероятно, многим из вас придется быть командирами или подработниками. Я думаю, что многие из вас будут командирами больших воинских частей, а может быть и маршалами. Неужели из такой среды, как ваша, не выйдет ни одного маршала? (Смех). Это вполне возможно. Значит, товарищи, вам надо тщательно изучать военное дело, военную теорию. Ничего, что вначале вам придется служить рядовыми красноармейцами. Лучше быть заранее теоретически подготовленным, это пригодится для будущего. Когда я был молод, я тоже мечтал: может быть, я буду депутатом рабочего парламента. Я так мечтал, хотя и знал, что сначала придется в тюрьмах сидеть. (Смех). У человека в 15—18 лет мечты всегда опережают действительность. И это неплохо. Так вот, вам надо готовиться к тому, чтобы занять в армии командные посты. А это значит, что вы сейчас должны всесторонне изучать военное дело. Сейчас для нас это главное.

Здесь, на активе, один из секретарей райкома комсомола жаловался, что у него многие комсомольцы не проходят военного обучения. Я этого не понимаю. Ведь за то можно привлечь к уголовной ответственности самого секретаря. (Смех). Ведь военное обучение это — государственная обязанность, а не добровольное занятие. Кто же может от нее отказываться? Если бы я был секретарем райкома комсомола, ручаюсь, что у меня все бы комсомольцы обучались военному делу.

Председателям сельсоветов или председателям колхозов приходится иногда заставлять колхозников приводить в порядок плохие дороги. Люди, когда работают на починке дорог, бранят председателей, а как сделали дорогу и сами по ней стали ездить, так все время похваляют: вот хорошо, что дорогу сделали, вот хорошо, что нас заставили. (Смех). Заставить делать то, что нужно, необходимо и в комсомоле. А как же вы думаете? Если сегодня один не вышел на военное обучение, завтра другой, если тот или иной комсомолец будет думать — выйти ему или нет на военные занятия, то что же из этого получится? Нет, так к государственными обязанностями не относятся. Военное обучение это — государственная обязанность, здесь и речи не может быть о том, хочет или не хочет кто-либо ее выполнять.

Другой вопрос, чтобы комсомол был ведущим в деле военного обучения молодежи. Тут требуется большее. Необходимо, чтобы комсомольцы сами успешно изучили военное дело и служили примером для некоммульцев, чтобы молодежь шла впереди людей старших возрастов, обучающихся военному делу. Это, конечно, труднее. Но я считаю, что это вполне возможно. Ведь у вас в комсомоле имеется комсомольская дисциплина, сумейте только ее использовать как следует.

Очень важно, чтобы вы и физически подготовили себя к войне. Молодежь жила у нас неплохо, и мы даже немножко ее баловали. Я отнюдь об этом не жалею. Но сейчас наступил такой момент, когда от людей требуется не только высокое моральное состояние и физическая выносливость. Я считаю, что комсомол должен приучить людей к физической стойкости. Куйбышевская природа дает нам такую возможность. В такую погоду, как сегодня, можно неплохо закалять себя. Скажем, так: выйдете с субботы до вечера воскресенья в поход и взять с собой на это время по паре сухарей, а то и по сухарю. Это и будет закалка.

Мы должны победить, и мы победим. Но победа с неба не упадет. Победу надо взять с боя, да еще с какого боя. Закаляйтесь теперь, пока вы еще не на фронте. Может быть, это для вас и будет сейчас не совсем приятно, но зато, когда вы попадете на фронт, вы скажете за это спасибо.

Разумеется, многое еще можно сказать о военной подготовке. Но я хотел вам только показать направление, в котором должно идти это обучение. С изучением военного дела вы должны справиться, к этому вас обязывает принадлежность к комсомолу. Иначе вы не можете называться комсомольцами. Ведь у нас бойцы в своем большинстве беспартийные люди. А примеры какого беззаветного героизма в защите нашей страны они показывают!

Теперь несколько слов о производстве. Воевать без производства, сами знаете, невозможно. В Куйбышевской области имеется много важных заводов, об этом мне вам говорить не приходится. И на производстве комсомольцы должны быть застрельщиками. Вам надо сейчас налечь на работу всеми силами. Напрячь все свои способности.

Я с удовольствием слушал выступление товарища из ремесленного училища. Мне понравилось, что он останавливался на отрицательных сторонах работы ремесленного училища, не хвалился, а выявлял недостатки, чтобы их исправить.

Так вот, товарищи комсомольцы, работающие на производстве, вы должны свое производство освоить в совершенстве и в самые короткие сроки, должны добиться хороших результатов работы.

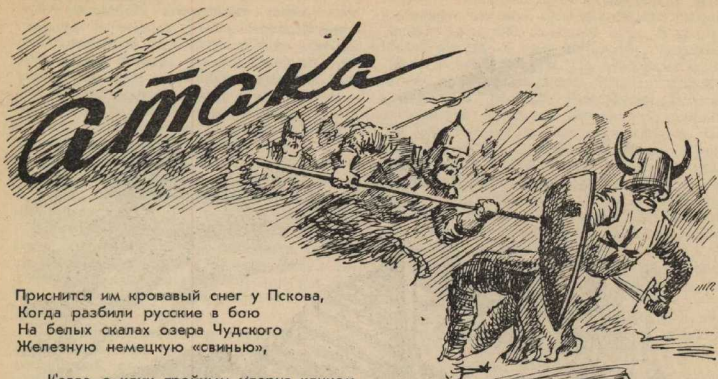
От нас требуется развить производительность труда до максимальных пределов, твердо памятуя, что каждый новый снаряд усиливает наших бойцов, наших комсомольцев на фронте. Поэтому не жалеете труда, давайте больше военной продукции и самого лучшего качества.

Товарищи, мы все патриоты своей родины. Но среди нас есть, если можно так выразиться, зотерцатели. Но ведь сейчас нельзя отделяться только пассивными переживаниями. Вот некоторые слушают сводки Информбюро, и ахают: ах, отступили, ах, город оставили. Сводку прослушали, поахали, а сами пальцем не пошевелили для фронта. Такому патриотизму грош цена. Нет, уж ты лучше не нервничай, но сделай все, что в твоих силах, для фронта, для того, чтобы разбить фашизм.

Вот те задачи, которые в данный момент лежат на комсомоле. Вы должны сделать все, что в ваших силах, и даже сверх сил, чтобы добиться победы над врагом.

Это будет сливаться со словами товарища Сталина: «Нужно сокрушить военную мощь немецких захватчиков, нужно истребить всех немецких оккупантов до единого, пробравшихся на нашу родину для ее порабощения». На выполнение этой задачи я и призываю Куйбышевскую городскую комсомольскую организацию. (Бурные аплодисменты).

Приснится им кровавый снег у Пскова,
Когда разбили русские в бою
На белых скалах озера Чудского
Железную немецкую «свинью»,

Когда, о клин тройным ударив клином
И завершив стремительный поход,
Мы с боем получили под Берлином
Железный ключ от городских ворот,

Когда над потрясенными врагами
Вставало пламя, кровлю шевеля,
Когда под их нетвердыми ногами
Горела украинская земля...

Враги дрожат, завидев цепь за цепью,
Почуя приближение беды:
И перекатное «ура» над русской стелью
И проходящие под пулями ряды.

Им не снести удара лобового,
Прославленного в битвах на века,
Сурового, точеного, прямого,
Немеркнувшего русского штыка.

Охотники за танками

В руках русского человека страшной оказалась для немецких танков бутылка, наполненная горючей жидкостью. Не раз приносила она смерть немецким танкистам.

С бутылками в руках встретили немецкую мотомехколонну две роты пехотинцев Героя Советского Союза Краснова. Бойцы открыли узкие и глубокие щели. Ворвавшиеся немецкие танки как ни крутились, не могли их подавить гусеницами. А бойцы улучали минутой и угощали танки «русской горькой». Хлопнувшись о стальную броню, бутылка раскалывалась, и жидкость вспыхивала, растекалась по поверхности, которого никак не скроешь. Погибал танк, погибала и его команда.

Шесть таких костров остались на поле. Все другие танки бежали. Бойцов охватил такой задор, такая радость победы, что они помчались вдогонку за танками со своим грозным оружием. Один танк застрял, и его буквально закидали бутылками, как закидывают камнями волка, забежавшего на сельскую улицу.

Немецкие танки — главная опасность. И поэтому их бьют все: и пехотинцы, и артиллеристы, и танкисты, и летчики. И бомбардировщики и пикировщики с успехом громят германские танки. Но особенно

отличились наши штурмовики. Их назвали «охотниками за танками».

От бомбардировщика немецкий танк может спрятаться, от пикировщика — спастись маневрированием, от штурмовика спасенья нет.

Проползая по русским поселкам, проезжая по шоссе, немецкий танкист отчетливо видит свою судьбу — груды разбитых и сгоревших танков лежат по обочинам дорог — своеобразная выставка наших боевых трофеев. Когда в немецкий танк попадают бомбы, сброшенные штурмовиком, он долапается, как надутая лягушка. Когда в танк попадают бронебойные снаряды, они, прошивая сталь, как картон, рвутся внутри. И если найдутся неверующие, они могут убедиться тут же у дороги.

От его удара немецкий крупный танк раскалывается как орех и горит. Средние и мелкие танки переворачиваются и слезают с дороги. Все, что находится вокруг, превращается в черное тряпье. Летчики рассказывают, что сами солдаты взлетают вверх, словно торопятся возвестить на небо.

Пропуская на бреющем полете, летчики видят, как в воздухе вьются, словно воронье над полем боя, подкинутые разрывом шинели и офицерские крылатки.

Немецкие танкисты пытаются сбить брошированный самолет огнем пулеметов. Но пули страшны летающему танку. Ему страшнее не всякий снаряд. Противотанковый самолет можно сбить только прямым попаданием снаряда. А это непростое. Но когда немецкие зенитчики подбивали наших штурмовиков, славные наши, замечательные соколы-летчики превращали смерть в победу. Так поступил сержант Яковенко. Подбитый горящий самолет врезался в скопление танков. Летчик погиб, неся смерть многим врагам. Так поступил и сержант Доброходов под Малым Ярославцем.

Летчики-штурмовики, которыми командует Герой Советского Союза Антошкин, стояли на поле, переминаясь с ноги на ногу. Их длинные высокие самолеты стояли тут же, как стая борзых, готовая ринуться в облаву на фашистского зверя.

Вот старший лейтенант Леонтий Драмарецкий. Это человек могучей силы, немного сутулый, словно сила тянет его к земле. У него дремучие брови и черные горящие глаза. Он уничтожил уже около сорока фашистских танков. В многочисленных поединках много раз был изранен его самолет, пальцы его сильной руки несут следы осколков, словно зверь прошелся по ним зубами. Но попрежнему зорек его глаз и верна рука. Не проходит вылета, чтобы Леонтий Фомич не свалил очередной фашистский танк.

За ним, как за опытным охотником, любят ходить молодежь. Он знает все овраги и долины, которыми можно скрыто подойти к фашистскому зверю.

Сегодня первая пороша. Охота обещает быть замечательной. Штурмовики это знают. Они неплохо поохотились за танками по чернотропью, когда враг завяз в грязи и сверху был виден как на ладони.

Наши пикировщики целые дни вились над подмосковными рощами и дубравами, поражая тяжелые танки, указывая штурмовикам наибольшие скопления железного зверя. Летчики Антошкина за последний месяц уничтожили 356 фашистских танков!

— Танк от самолета куда хочешь залезет. Один раз, смотрим, на краю села стоит большой стог соломы, молотилка, недомолочевные снопы. Одним словом, колхозная картина. А под стогом — танк, — говорит Драмарецкий.

— Залезают они и в избы. Как тикет в простенок, так бревна и выдавиг. А сам под крышу. И сидит, выставив гляделки. Сверху будто обыкновенная деревня, а глядишь, она с начинкой. — добавляет старший лейтенант Петр Шитов. — Зимой им хуже. Следы видно..

Снежные облака поднялись выше. Пора в полет. Капитан Кобрин вплотную рассказывает задание. Летчики быстро вычерчивают на картах заданный курс. В воздух летит ракета — и один за другим боевые самолеты уходят вверх. На аэродроме остаются только начальник штаба, техники, охрана да раненый Коюстантин Брехов. Это самый страстный охотник за танками. Он истребил их не менее семидесяти. Но вот фашистский снаряд разорвался слишком близко. В левой руке до сих пор еще сидят осколки. Рука уже действует, но врачи не разрешают летать. Напрасно убеждает их Брехов, что для летчика самое главное — правая рука. Никакие «авиационные» доводы не действуют.

Время ожидания тянется нестерпимо медленно. Мотористы и воентехники то и дело потягивают на часы.

Но вот Брехов слышит отдаленный гул моторов. Одна за другой идут машины, слегка покачивая своими длинными широкими крыльями, на посадку.

Командир выслушивает доклад старшего лейтенанта Шитова:

— В районе цели встретили перемежающийся снеговпад, низкую облачность. Решили прорываться. В деревне застали почувствующую немецкую пехоту. Ночлег охранялся несколькими дивизионами зенитной артиллерии. Но противник не ожидал налета, и солдат у орудий не было.

— Как у вас, товарищ старший лейтенант? — обращается командир к Драмареckому.

— Большую группу танков удалось обнаружить по следам. Они зашли в ложину и стали в круг. Внутри круга поставили грузовики с пехотой и автостистеры. Видно, опасались ночевать в деревне. Стрельба снарядами была очень удачна. Наблюдала пожары. Хорошо бы послать туда пикировщиков.

Докладывает младший лейтенант Мясин:

— На окраине деревни заметил танки, покинутые командами. Водители ночевали в избах. Как мы им дали «огоньку», побежали из деревни. По всем данным, там укрылась большая танковая часть: во все сараи ведут следы гусениц... Разрешите сделать еще вылет.

Разрешение получено. Подвешены новые бомбы, настроены снаряды, заряжены противотанковые пушки, и самолеты поднимаются в далекую снежную муть. Четвертый вылет за день...

Спустился зимний вечер. А за окном жарко нагретого большого дома идет снег. Крупный, холодный, обильный. На завтра опять предвидится хорошая пороша. А что может быть лучше для охотников за танками, чем хорошая пороша и следы гусениц на ней?

Зеленая шинель

Сорок пять суток был я в немецком тылу, сорок пять дней и ночей в селянской свитке, босиком (немец снял с меня сапоги) прошел я около тысячи километров через всю Киевскую, Полтавскую, Харьковскую, Сумскую области и южную часть Курской области. Прощел я точно по кладбищу.

Как черные тени стоят хутора и села. Редко пробежит человек по улице, ибо в любую минуту может выскочить немец в зеленой шинели, сорвет с головы картуз: если бритый ты,— рус солдат, но если волосы на голове,— рус комиссар, и уже не видеть тебе дома твоего, детей твоих; не брехнет собака: немцы постреляли их, чтобы не пугали по ночам; не кукарекает петух: немец сожрал и жареного, и пареного, и вареного; не засмеется человек, за все это время ни разу не слышал я по деревням смеха, ни разу не слышал я песни. И это на Украине, где, в детстве казалось мне, сам воздух поет.

Немец в зеленой шинели — разбойник и грабитель...

Я был в ста селах и хуторах и везде видел разоренные и запустевшие. В селе Карайковке, недалеко от города Богодухова, стоят разоренные, разграбленные сельская лавка, почта, сберегательная касса. С разбитыми окнами, как слепые, стоят школа, детские ясли, изба-читальня. На улицах валяются полусожженные парты: немцы разводили костер,— разбитые физические приборы, изорванные географические карты, растоптанные портреты Шевченко и Франко. В помещении солома, мерзость, скотский дух: здесь был немецкий постой. Загажены, опустошены, поруганы святыни советского села.

На улицу выброшены классные доски, на одной доске еще сохранился арифметический пример. И рядом, тут же на доске, мелом немец написал самое короткое похабное слово, написал по-немецки, Скот! Молодая учительница со слезами проходит мимо школы. Дети забегают в школу и молчаливые выходят из нее.

Врываясь в деревню, немцы первым делом разбирают и грабят сельскую лавку, сгоняют к ней население и, установив фотоаппарат, раздают соль, цукорий, пуговицы. Сфотографировав, отбирают все назад и гонят по домам.

Прошло только несколько недель, как хозяйничает немец. Но уже в хатах на Украине (это я видел в селах Карпиловке, Довгалівке, Шишаках) появилась лунчина, уже деды раскуривают люльку от кремня и бабки бегут из хаты в хату с угольком, чтобы раздуть огонь, уже одалживают

друг у друга мыльную пену и во многих хатах на Украине хлеб без соли и борщ без соли. Не керосин, не спички везет с собой немец, а пожары. Не мыло, а вши и эпидемии, не соль, а порошок и голод. А в Киеве, Полтаве и Миргороде открывает немец публичные дома, Уже появляются на Украине кабаки, рулетки, воровские шамланы, «малыны» и черные биржи.

Немец в зеленой шинели, фашистский солдат,—изверг, воспитанный в духе истребления.

25 сентября, на рассвете, переправлялся тяжело раненых через болото Трубеж, у села Борщи, Киевской области. Появились зеленые шинели. Они видели носилки, белые, забитованные головы, но они подвели пулеметы и прямой наводкой расстреливали раненых. Грохаливаясь по горло в болоте, под пулями бойцы выносили своих раненых товарищей. Много погибло друзей наших, много товарищей моих погибло в болоте Трубеж, и никогда в жизни не забуду я эту переправу, этот пулеметный обстрел, крики раненых.

У села Малой Березани, Киевской области, мы встретили группу киевлян, среди которых половина были женщины и раненые. Ночью мы шли, днем прятались в лесах и в скірдах на полях. У Яготина рассвет застал нас в открытом поле. Мы зарылись в скірды. В сумерках я проснулся от крика: «Немцы поджигают скірды!» Зеленые шинели окружили самую большую скірду и строчили по ней из автомата зажигательными пулями. Ночью мы видели, как, освещая небо и

степь, пылает подоженная скирда, в который было не меньше пятидесяти человек. Нас спаслось четыре человека...

На всех дорогах я встречал сотни бойцов и граждан, бежавших из концентрационных лагерей в Лубнах, в Хороле, Богдановке, Миргороде. Сильные, ошухшие от голода, они еле передвигались. Тысячи людей лежат в поле под открытым небом, в грязи и стуже. Вокруг болота несколько рядов колючей проволоки. Первые три дня пленным ничего не дают есть. Потом дают на день чашку супа из полусырой свеклы или картошки или же сваренное просо или ячмень, словно это не люди, а скот или петухи.

Женщины из сел Ждан, Снятина, расположенных на реке Суле, из Довгаливки, Малых Сорочинцев, Хомутца, расположенных на реке Хороле, мне рассказывали о том, что они приносили в лагери еду для пленных, но на их же глазах все пожарили часовые, а пленным, как собакам, бросали только кости. В лагере военнопленных в Лубнах было несколько случаев убийства колхозниц, пытавшихся поближе подойти к проволоке, чтобы самим передать еду своим мужьям и сыновьям.

В селе Городище, на реке Удае, мне рассказывали, что раненых и пленных евреев — бойцов Красной Армии — немцы поголовно расстреляли. В лагере военнопленных в Хороле пленных евреев колоди штыками.

В один из дней октября, в сумерках, я проходил мимо станции Ромадан. Несколько тысяч граждан, собранных в лагерь под открытым небом, в первую снежную метель, голодные и измученные, пели песню «Далека страна моя родная». Казалось, небо раскололось и гудят колокола. Мне хотелось крикнуть: «Ты слышишь, Родина! Ты слышишь, красноармеец? Бей немца! Коли зеленую шинель! Дороги устлай немецкими трупами, реки заливай черной немецкой кровью!»

Это немцы строчат из автоматов по курам и гусям...

Немец в зеленой шинели, фашистский солдат, — разбойник и грабитель. Зеленые шинели на велосипедах, на мотоциклетах взрываются в село. Еще за селом строчат пулеметы, еще слышны крики боя, а они уже по хатам:

— Яйк! Млика! Шниг!

Молчание наступает в хате, когда входит зеленая шинель. Он, как собака, лает, но никто не понимает чужеземца, все молчат. Он рыщет, как хорек, по всей хате, заглядывает в печь, нюхает все горшки, лезет в погреб, на чердак, тащит сало, яйца, муку, поднимает половицы, сбивает замки, копается в семейных сундуках и лает, лает, все требует что-то по-своему. Полна хата людей. И дед старый, и бабка, и невестка, и дети — все стоят и молчат. Страшное, грозное молчание вокруг немца.

По всему селу выстрелы: это немцы строчат из автоматов по курам и гусям. Они и не сожрут столько, но глаза жаждны и завидуют. В селе Пидплете, на Харьковщине, я видел наваленных кучами убитых гусей.

Вытянув головы и закатив мертвые глаза, лежали гуси под заборами. Немцы давно прошли, но никто не притрагивается к птице.

В домике лесника Ворохова, у села Любовки, на постое было сорок немцев. Они выгнали хозяев в свинарник, завладели всеми запасами лесника и в течение трех дней все пожрали, оставив семью и детей на зиму без хлеба. Все, что не успели немцы пожрать, — пшено, крупу — они перед уходом рассыпали по двору. Так скоты отблагодарили лесника.

Несчастно село, которое стоит на шляху. Немец двигается по шляху и грабит это село день и ночь. Остановится обоз на минуту — и налетит зеленая саранча.

На одном хуторе ушло все население. Трех немца, упираясь, держали телку за хвост, а четвертый строчил в нее из автомата. Поймали бабку, заставили потрошить и жарить. А они жрали.

У моста на Красный Кут, на Харьковщине, я сидел в избушке сторожа торфяных разработок. Проехали три немца. Увидели кабана — тут

же закололи, завернули в новое хозяйкино платье и занавески и ушли.

На поле у села Качевки, возле Константиновского сахарного завода, колхозники в сумерках накладывали на подводы накопанную за день картошку. Проезжали мимо немцы и увели подводы со всей картошкой деревни. Старика, который стал спорить, немецкий кавалерист ударил шпорой в лицо.

В село Тарасовку, на Полтавщине, вечером вошел не-

Немец ест толстый, жирный кусок сала...

мецкий обоз. Пять немцев вошли в соседнюю хату, и я через окно мог видеть все, что происходило. Они сломали забор, докрасна накалили плиту, сняли рубашки и над огнем вытряхивали их. Хозяйка пѳтом говорила, что от падавших в огонь швей стоял такой треск, как во время зенитной стрельбы. Они так чесались, что свинья, глядя на них, и сама стала чесаться. А потом жрали гусей и хотали.

Знают на Украине, как нажравшийся немец хохочет.

Знают на Украине, как нажравшийся немец хохочет. Эхом отдастся этот хохот, кровью заплатит немец за этот хохот!

Зеленые шинели с автоматами стоят на дорогах и перекрестках. Они делают вид, будто проверяют документы и ищут оружие. Но это настоящий грабеж. У крестьян, у прохожих немецкие патрули забирают сахар, махорку, мыло, хлеб.

Они голодны—эти зеленые собаки. Однажды в степи я видел, как унтер-офицер остановил старика. Снял с него котомку и стал рыться.

В тумане я спутал дороги и вошел в Бугово—штабное село. Из тумана выплыл немецкий патруль. Три немца обступили меня и как по команде залаяли:

— Махорка, вудка?

Три немца сразу залезли ко мне в карманы. Я посмотрел в их лица. Их трусило от холода, зубы стучали. Холодно им было в русском тумане. Холодно им будет в русской земле!

Немец пришел на Украину. Он хочет нажраться—раз и навсегда. Если послазливится,—он жрет масло ложками, пока не стошнит. Немец ест толстый, жирный кусок сала на тоненьком, как бритва, куске* хлеба. Навски не нажрешься!

Зеленая шинель торчит с мешком у печи, пока пекут хлеб, забирает горячий хлеб, хохочет и, указывая на пар, говорит: «Капут!»

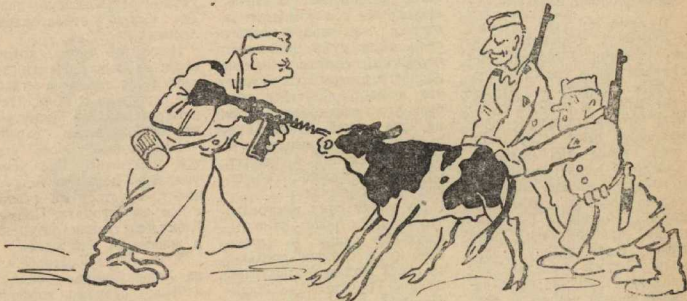
Зеленая шинель на расвете стоит, пока доят коров, и забирает молоко. Если мать показывает на детей, объясняя как глухонемому: «Ам-ам»,—зеленая шинель показывает на автомат: «Пух-пух».

«Капут», «пух-пух»—вот и весь словарь зеленой шинели. Этими двумя словами зеленая шинель объясняется с селянином и считает это вполне достаточным для него.

«Капут» и «пух-пух»—эти слова вспомнятся, когда зеленая шинель побегит назад через Полтавщину и Киевщину, эхом отдадутся они в лесах, в степи, в осоке болот. Дед и внук мне говорили: «Пусть только немец побегит!»

У каждой хаты, у каждого дерева, у каждого камня будут поджидать его не с яйками, не с розовым шингом, а с топорами, вилами и цепями. И скажут ему: «Капут!»

Интендантские офицеры, разбегающиеся по селам, сбивают замки с колхозных амбаров, учитывают зерно, накладывают печати. Кто

Два немца, упираясь, держали телку за хвост, а третий строчил в нее из автомата...

сорвет печать,— расстрел. У колхозного сена поставлены немецкие сторожа. Кто возьмет клочок сена,— расстрел. Во всех селах приказано в двадцать четыре часа сдать весь колхозный инвентарь. Иначе расстрел. По селам оглашены приказы: за ночьел прохожих— расстрел; за помощь партизанам и красноармейцам— расстрел! Немцы заявляют: «За малейшее нарушение— расстрел!»

Немец в зеленой шинели, фашистский солдат,— скотина и трус. Один он ни за что не войдет в лес. Немец боится русского леса, как заяц—бубна. Засядет на опушке леса с автоматом и будет ждать. Или прострелит лес. Но сам не войдет. Каждый лесок немцы простреливают так, будто в нем, по крайней мере, целый корпус сидит.

На берегу реки Мерлы, у села Любовки, на Харьковщине, я наблюдал, как автоматчик проходил через лес. Он вошел на тропинку и, держа автомат на пузе, прострочил им вдоль и поперек и вокруг себя, будто обошел вокруг себя волшебным кругом. Затем прошел шагвов пятьдесят и снова прострочил тропинку. Так дошел он до избушки лесника Ворохова.

На ночь немцы прячутся в селе. За сорок пять дней я ни разу не встретил немца в поле. Ночью не выйдет немец за околицу села. По краям села ракетчики отпугивают прохожих да себя подбадривают огнями. Товарищ! Не бойся ракеты! Ее пускает трус. Если немецкий патруль услышит шум,— стреляет трассирующими пулями. Товарищ! Не бойся огненных пуль! Это фейерверк труса.

В селе Янах, на реке Ворскле, в Касилове, Гайворонского района, Герцове, у железной дороги Сумы—Белгород, и во многих селах крестьянки рассказывали мне: немцы, нажавшись, ночью боялись заходить за угол хаты, а оправляются прямо на крыльце, причему дверь в освещенную хату всегда оставляют открытой. Так и сидят в свете немцев, поднимая на голоду зеленую шинель с гранатами на поя-

Фашистский солдат — скотина и трус...

се, на глазах у всех. Скотина!

Нигде не видел я такого страха перед самолетами, как в немецком обозе. Похоже, будто залетел самолет в сумасшедший дом. В селе Хваленкове, недалеко от станции Волки, Южной дороги, при полете наших самолетов я видел, как немцы штыками выгоняли стариков, женщин и детей из щелей и погребов, а сами залезали туда.

Совершенно безумец немец при виде краснозвездных самолетов. Да и бомбит же они!

Орлы, друзья дорогие, летчики, штурманы, бомбильщики и расстреливавшие немецкие колонны: 3 октября—у села Большие Сорочинцы, на Полтавщине, 9 октября—на шляху Диканька—Спшнина, 13 и 14 октября—по дороге Колонтаевка—Красный Кут—Богодухов, в конце октября—у Писаревки и Гайвороны, в начале ноября—у Белгорода. Я был под вашими крыльями, я стоял на земле, где падали ваши бомбы, и своими глазами видел, как в страхе, с криками разбегались с дороги немцы, как прятались они под сараями и хатами, падали в канавы, искали спасения и как наступали

вы их, как гнались за ними, чуть ли не садясь на плечи.

Бомбы падали в черные машины, и так похожие на катафалки, прямо на головы немцев, и с дикими стонами расплывались по шляху разбойники в красных от крови шинелях.

Все, что я рассказал,— это только факты, это— все, что я видел сам и что рассказывали мне крестьяне. Это свидетельские показания очевидца.

Я видел дикий, разнузданный грабеж немецких фронтовиков. Но позади еще двигался обоз, эта главная грабярбарма, а там, дальше, отставая от фронта на три—четыре недели, идут карательные отряды гестапо: палачи, вешатели, истязатели.

Тихо на Украине, как на кладбище. Загудит на дороге машина — все вздрагивают: «Едет немец!»

Детей на Украине пугают: «Вот герман идет!» Герман!

С молоком матери дети всасывают ненависть к немцу. Горе тебе будет, герман! Не забудут и дети и внуки твоих злодеяний, герман!

Изменился пейзаж Украины. На всех дорогах, у обочин выросли белые кресты с черными надписями, с черными касками, сожженными, пробитыми и изрешеченными. Это могилы немецких солдат. Это путь немецкой армии.

У Больших Сорочинцев, у Диканьки, у Попивки я видел уже поваленные кресты: народ мстит и мертвым немцам.

Огненные зеленый цвет, цвет немецкой шинели,— самый ненавистный цвет. Наступил декабрь—месяц белого снега. На белом снегу России ясно видна цель—зеленая шинель. Не промахнись, товарищ!

Получен приказ с рубежа не отходить ни на шаг. Если нужно, лечь костями, но не отдавать ни куска вот этой земли. Кусок родной земли—холмы, поросшие леском, с которых видны другие холмы и синие озера между ними. Желтый, палый лист блестит на октябрьском холодном солнце. Свежий ветер колеблет паутинку между ветвями. Холмы в синие озера так хороши, что кажется, и нет на свете места лучше, чем это.

Лен убран, рожь снята. Поля голые. Они замерли и ждут нового посева. Это наша земля, и мы должны ее засеять. На этой земле мы живем. Она нас кормит. На ней мы работаем. И все это: поля, холмы, озера, и рыба, которая в них живет, и ветер, который, пролетая, наполняет легкие свежестью,—все это наше.

Это родина—то, что человеку дороже всего.

Здесь часть занимает оборону. На холмах, невидимые врагу, стоят наши пушки. В бойницах окопов пулеметы. В окопах бойцы. Их винтовки на бруствере. Они работают лопатой.

Немцы, на той стороне озера, пока ведут себя тихо. Очевидно, выдохлись, может быть, завязли в непривычной для них осенней грязи. Но нужно быть готовыми ко всему. Сегодня они молчат, завтра могут двинуться, а дальше их пускать нельзя. Поэтому в руках у бойцов лопаты.

Для того чтобы отстоять рубеж, нужно врыться в него, закопаться поглубже в желтый песок и светлую глину. Надо сделать так, чтобы враг не видел тебя, а ты его видел. Нужно сделать так, чтобы он не достал тебя своим огнем, но твой огонь должен бить его без промаха. Пусть враг видит только холмы, только лесок, но этот лесок, эти холмы должны открыть непреодолимый, яростный огонь, как только он попробует продвинуться к ним. Поэтому без отдыха работают лопаты.

Окоп, блиндаж—это крепость и дом для бойца. Нужно строить прочно. Если блиндаж сделан в один накат,—делай второй, если готовы два,—делай третий. Бойцы роты это знают. В одном ее отделении почти все—земляки из одного колхоза Шильовского района, Рязанской области. Они

работают так же деловито и хозяйственно, как, должно быть, работали на своей колхозной земле. Да и эта земля, которую они теперь роют, она ведь колхозная, общая, родная земля.

И люди копают без усталости; так копают, будто здесь же рядом, за холмами, их родная деревня, их колхоз, их семья, их дети.

—Здесь держаться хорошо,—говорит один из них.—Отсюда не уйдем.

И в самом деле, это место красивое до того, что у человека, любящего природу, дух захватывает: превосходный рубеж для обороны! Высоты господствуют над местностью, где засел враг, они хорошо просматриваются, и немцу приходится идти на всякие хитрости, чтобы укрыться от нашего наблюдения и обстрела.

Строить, совершенствовать оборону—задача, которую ни на минуту нельзя забывать. Хорошо использовать все время, которое у нас есть, неустанно улучшать свои укрепления, делать их прочнее, удобнее, недоступнее. Но это—не все. Наша оборона должна быть активной. Не ждать, пока враг нападет, а самому все время беспокоить, грызть, точить врага, не давать ему укрепляться, уничтожать его, где и как только возможно.

Вот почему не молчат холмы. Вот почему наши глаза сквозь листву, сквозь бойницы, простым глазом, и в бинокль, и в стереотрубу непрерывно ведут наблюдение за врагом.

С артиллерийского наблюдательного пункта обзор превосходный. Стереотруба, похожая на рожки улитки, глядит из-за листвы и далекие предметы делает близкими. За три километра по извилистым дорогам идут немцы. В стереотрубу отлично видны их зеленые шинели и каски. Немцы идут походной колонной и торопятся, видно, поскорей пробраться открытое место.

Но они попали в сферу огня лейтенанта Воздвиженского. Его в пехоте прозвали артиллерийским Чапаевым за меткость, лихость, быстроту, с которой он открывает огонь по врагу.

Какая-то застенчивость есть в его молодом и милом лице. И недельная небритость

только светлой, еле заметной порослью покрыла его щеки. Вчера убили его друга, лейтенанта Литинского, героя, с которым они по-юношески уговорились вместе драться и вместе умирать. И вот Литинского убили. Он похоронен здесь, на холме. От сознания того, что нет больше Литинского, Воздвиженскому еще сильнее хочется жить.

— Ну-ка, мы их сейчас накроем,— говорит он.

Глаза его блестят, как у охотника, увидевшего дичь. Несколько коротких выстрелов, команда—и вот где-то за холмами удар. С шорохом пролетает над головой невидимый снаряд. Близ лоцины, куда уходят немцы, возникает черное облако разрыва. Второй удар, третий. Глухие удары разрывов долетают с опозданием. Немцы закрыты. Их жизни пошли в счет уплаты за смерть Литинского. Им еще долго придется платить за эту смерть.

Сегодня артиллерия работает особенно хорошо. Безотказно выполняет она заказы пехоты, загоняет немцев в землю, да и хоронит их в этой же земле. По переднему краю ходит командир Горяинов, хозяин этой линии обороны. Подчас, завидев подозрительное движение на том берегу, он и сам приложится к пулемету, очередью прощупает ее.

У трех сараев в расположении врага командир только что приметил свежезрытую землю.

— Чтоб не было их!—говорит он.

И артиллерия начинает бить. Вот пробита крыша, угол сарая отбит, а вот уж и немцы зашевелились в своей норе, тащат раненых и сами бегут, пригибаясь к земле. Удар. Еще удар.

— Тридцать их тут было,—говорит наблюдатель.

Было. Значит, теперь их больше нет...

Днем артиллерия не дает немцам двгаться. Ударит артиллерия в валом, от которого нельзя спастись, прокатится по занятой ими деревне.

Но ведь действует не только артиллерия.

Пехота, орудующая сейчас лопатой, работает и пулеметом и винтовкой. В деревню на том берегу ведет узенький мостик через пролив. Немцы держат его под обстрелом, и, кажется, пройти его нельзя. Но днем и ночью просачиваются через него наши пехотинцы, оседают на огородах, за домами, деревьями. Они пробраются туда и по узкому мосту и на плотках, на лодках, взводом, отделением, в одиночку. Часто, завидя фигуры на крышах, подходят немцы и обращаются к ним по-немецки.

Ответ они получают, но ответ по-русски—штыком или прикладом. После него они уже ничего не говорят.

Вот старший сержант Рассказенков, крепко сбитый, скуластый человек. Вчера он водил отделение на тот берег. Заставил замолчать пулемет, оглушил прикладом немца и добил его пулей. Вернулся сегодня ночью. Завтра, если будет нужно, он пойдет опять. Работая лопатой, Рассказенков говорит, что не пропустит немца. Ему можно верить: он это доказал.

Лопата, штык, топор, пулемет, артиллерия—все это оборона. Она неодолима потому, что люди, которые копают, стреляют из орудий, наблюдают за врагом, перебираются под огнем через озера, знают: оборонять этот рубеж—значит защищать родину.

Впереди, у самого переднего края, вперемежку с пулеметом сухо трещат одиночные выстрелы. Это работают снайперы. С шелестом, со свистом или воем, смотря по калибру, прорезают воздух снаряды. Время от времени гулко ухает тяжелое орудие. Оно стоит за деревьями, и при каждом выстреле от горячего воздуха свертываются и облетают их листья. Холмы говорят: «Это наша оборона».

Действующая армия.

...Рассказенков оглушил прикладом немца и добил его пулей.

Ноябрь 1941 года! На века память об этих днях останется в сердцах нашего народа, в истории борьбы нашей страны за свою независимость, за светлое будущее. В ноябре товарищ Сталин выступил со словами, вселявшими во всех нас уверенность в грядущей победе.

И когда в ноябре началось очередное «генеральное наступление» гитлеровских полчищ на чудесную столицу нашей родины, орды бандитов и негодяев были встречены армией, готовой умереть, но не отступить, готовой драться до последнего патрона, но победить.

В первых рядах славных защитников Москвы деруся танковые бригады Катюкова. Еще в боях за Орел отличились они исключительной своей храбростью.

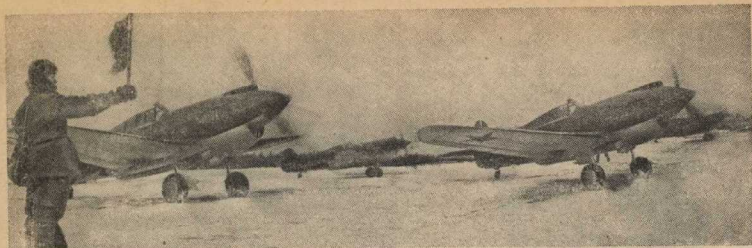
Нарком Оборона по заслугам оценил действия полковника Катюкова и его людей. Бригада стала первой гвардейской частью Красной Армии. Полковнику Катюкову присвоено звание генерал-майора танковых войск и вручен орден Ленина.

Беззаветную храбрость проявили и люди другого гвардейского соединения — Первой гвардейской мотострелковой Московской дивизии. Слева, в середине, вы видите ее командира — Героя Советского Союза полковника Лизюкова (крайний справа), просматривающим передний край перешедшего к обороне противника. Основательно досталось немцам фашистам под Наро-Фоминском, где одно время действовали гвардейцы. Гвардейцы выжигали гитлеровских автоматчиков, и многие германские части надолго запомнят, что встреча с бойцами Лизюкова, особенно же с мотоциклистами-разведчиками (слева, внизу), может кончиться для них либо отступлением, либо если они упорствуют, смертью, истреблением.

Соперничая в отваге с гвардейцами, дерутся

на одном из участков Подмосквья автоматчики лейтенанта Васильева (справа, внизу). Много дерзких атак совершили они в ноябре — сотнями исчисляются вражеские солдаты и офицеры, падавшие от пуль дегтяревских автоматов. Васильев и его люди не боятся ночного боя, они ищут его, они проникают в глубокий тыл.

А на Можге гитлеровцы снова и снова познают высокую боевую выучку, меткость, точность артиллеристов Красной Армии. Вот тяжелое орудие (внизу, в центре), расчет которого решил стрелять так, чтобы каждый снаряд поражал цель, разил ненавистных захватчиков.

Гитлеровцы истошно кричали о том, что союз трех великих демократических держав — СССР, Великобритании и США — ничего не дает Красной Армии. Ну, что ж, пусть кричат берлинские жулики! Что они врут, могут подтвердить германские воздушные бандиты, лезущие в Советское Заполярье. Останки многих из них валяются на заснеженных скалах Баренцева моря. Вот (справа, в середине) один из английских летчиков, мужественно сражающихся бок о бок с нашими соколами, — капитан Коттэм.

Помогают нам и американцы. О боевых качествах американских «Кэртиссов» (справа,верху) многое могут порассказать немецкие летчики. Вот они, американские истребители, готовые ринуться навстречу врагу. Нет силы, которая могла бы сокрушить фронт ноября 1941 года, фронт советских людей, борющихся за свою родину, фронт людей многих европейских национальностей, борющихся за свою свободу, за свою независимость, фронт трех гигантских индустриальных держав, равных по силе которым нет и быть не может.

М. ЮРЬЕВ

Последний Зачет

Р а с с к а з

1

— За этот курс, следовательно, у вас остается одна работа, товарищ старший лейтенант,— закончил начальник кафедры полковник Смирнов и, вскинув ласковые глаза поверх очков, не глядя, подписал зачетную книжку и протянул ее Николаю.

Для ласки были все основания: слушатель Краснов был, бесспорно, самым талантливым из всех его эзочников.

— Товарищ полковник,— робко сказал Краснов,— вы обещали...

— Обещал? Ну, так уж и быть, сделайте ее у себя в части,— Смирнов перелистал блокнот в поисках нужной записи.— Что вы скажете насчет такой темы: «Действия роты в тылу противника»? Очень интересная тема, очень интересная,— повторил он.

Николай был разочарован. Заключительную работу по тактике он рассчитывал получить на полк, в крайнем случае, на батальон. Хорошие отметки, казалось, давали на это право. И вместо полка—рота...

— Ничего, мой молодой товарищ, ничего,— почувствовав его разочарование, ободрил полковник.— Если когда-нибудь вам доведется воевать, вы увидите, какая это огромная сила—рота.

Они вместе вышли из здания Академии. Огромный, многоэтажный корпус со старинным танком на гранитном постаменте, свежий, зеленеющий сквер, весело звенящие московские трамваи, перспектива трех свободных дней—все радовало Краснова.

Дошли до Зубовской. Поздние летние сумерки спускались над городом. Бесцветное предвечернее небо стало светлолиловым, и лишь в одной стороне горизонта тяжело висели гряды темных облаков, подернутые последними отблесками заката. На Крымском мосту зажглись фонари, загорелась витая вышка в Парке культуры.

— Сколько вам лет, товарищ старший лейтенант?—подавая Краснову руку, спросил начальник кафедры.

— Двадцать пять, товарищ полковник.

— Чудесный возраст! Коинтите Академию, поглядиам: может, адъюнктom оставим при кафедре тактики. Хотели бы?

— Еще бы...—Краснову хотелось схватить руку полковника, крепко пожать ее.

— А с «Ротой в тылу неприятеля» не горюйте. И не спешите. Сделайте работу как следует. Сделайте ее, ну, скажем... Сейчас середина июня... Сделайте ее к 1 ноября.

Размеренной, неторопливой своей походкой полковник пересек площадь, и Краснов смотрел ему вслед, пока знакомая юношески стройная фигура Смирнова не скрылась вдали. Хотел ли бы он стать адъюнктom в Академии? Еще ли бы он не хотел...

2

Мост должен быть уничтожен.

Старшему лейтенанту об этом сказал командир дивизии. Старший лейтенант повторил эти слова своим людям (он отобрал для этого дела лучшую роту своего батальона) и приданным для операции сапе-

рам. Если они уничтожат мост, исчезнет единственная коммуникация, питающая немцев на этом участке.

Правда, мост охраняли. И охраняли основательно. Правда, мост располагался глубоко во вражеском тылу, и проникнуть туда с сильно укрепленного фронта представлялось делом невыполнимым. Но раз мост следовало уничтожить,—говорить можно только о том, как лучше это сделать.

К дороге вышли затемно. Двигались по целине, хлипкой, болотистой, запорошенной талым холодным снегом. Иногда утопали по колени. Сильно вымокли: снег перемежался острым дождем, колючим от порывистого ветра.

Николай остановил роту, а сам с разведчиками продолжал движение. Час шли молча. Потом Краснов нашел небольшую высотку, залег на ней. Не знал, сколько придется ждать: может, несколько минут,

может, несколько часов. Но он должен знать совершенно точно расположение моста.

Время от времени на короткие мгновения шоссе освещалось лучками приглушенного света: это по шоссе, единственному здесь большаку, двигались немецкие транспортные машины. Иногда шли одиночками, чаще—по две, по три. Свет пропадал, снова появлялся вдалеке, чтобы секундой позже исчезнуть.

И все-таки старший лейтенант нашел то, что было ему нужно. Вышли они правильно: мост находился здесь, рядом, всего в нескольких сотнях метров от высотки.

Тогда Николай подтянул к высотке своих людей. Они пришли, залегли на целине.

Краснов разделил людей: саперам—мост; себе—землянки (они были невдалеке от моста, и там располагалась охрана); политуру—шоссе (надо было на какое-то время отрезать мост от внешнего мира). Группа прикрытия тоже получила свое задание.

...Старший сержант Краевский — неизменный спутник своего командира по разведке — ударил немца ножевым штыком в грудь и вогнал его почти по самую рукоятку.

И тогда сказал старший лейтенант:

— Пора.

— Браток,— обратился один из саперов к шедшему рядом стрелку,— подожди поди: тяжелоата она, взрывчатка.

Взрывчатки было много, и пехотинцы взяли часть ноши саперов на себя.

Как и думал старший лейтенант, землянки охраны оказались у самого моста. Часовой крикнул «хальт», когда было уже поздно кричать. Старший сержант Краевский—неизменный спутник своего командира по разведке—ударил немца ножевым штыком в грудь и вогнал его почти по самую рукоятку. Второй часовой дал очередь из автомата. Тогда Краевский кинул гранату. В блесках ее разрыва Краснов увидел дверь землянки и швырнул туда еще две штуки—одну следом за другой. Кто-то из бежавших поблизости бойцов толкнул дверь следующей землянки. Оттуда польхнул свет потревоженной лампы-молнии, невровый гомон взволнованных голосов. На светлом квадрате открытой двери фигура бойца в шинели, залепленной снегом, казалась гигантской. Последивались выстрелы, сразу несколько, тотчас покрытые двумя сильными взрывами. Гранаты!..

Откуда-то снизу, очевидно от быков, с противоположной стороны моста метнулись к землянкам фигуры солдат. Лающими голосами немцы что-то кричали. Немцы беспорядочно, но много стреляли: очевидно, все они были вооружены автоматами.

Наши бойцы отвечали на огонь. Потом сразу наступила тишина.

Краснов крикнул:

— Саперы!..

Тишина продолжалась две, быть может, три минуты. И тогда у землянок и дальше, на опушке небольшой, оголенной осеью березовой рощи, начали литься ручные гранаты. Это работали люди Краснова. Справа, из-за река, немецкие автоматчики вели сильный и теперь уже организованный огонь. Подошедшие с той стороны грузовики освещали им мост. Потом немцы двинулись вперед. Они пытались занять его. Протяжно крича хриловатыми, низкими голосами, они вбежали на деревянный настил, и пулко отдался топот их кованых железом, тяжелых сапог. Николай дал длинную очередь из пистолета-пулемета. Он стрелял до тех пор, пока магазин не опустел. Фигуры на мосту упали. Краснову не было дела до того, убиты они или только залегли: важно выиграть минуты, пока взрывчатка усилиями саперов не станет на место и саперы не положат запал.

Новая группа немецких автоматчиков ворвалась на мост. Снова слышались их крики, снова топтали тяжелые сапоги по настилу. Теперь к Краснову, успевавшему переменить магазин, присоединились Краевский, десяток бойцов. Немцы залегли.

Командир оглянулся. Стрельба у землянок несколько затихла, но дальше, к роще, выстрелы, сухие разрывы гранат продолжались с неослабевающей силой. Отвечая на автоматные очереди, старший лейтенант ждал. У него не было нетерпе-

ния. Николай знал: минуты в такой обстановке кажутся часами. Близко мелькнула чуть сутуловатая фигура лейтенанта Прошина—руководителя подрывников. Будь темнота еще гуще, будь туман, Николай отличил бы ее от тысячи других.

— Готов,—прошептал Прошин, опускаясь рядом.

И почти в то же мгновение Краснова сильно трянуло, воздух пришел в движение и шквалом понесся дальше. Потом дошел до слуха страшный взрыв, словно все кругом рушилось. На десятую долю секунды мелькнул красный язык пламени, и вверх вздыбился черный, чернее окружающей черной ночи, столб дыма.

— Готов!—торжествующе крикнул Прошин Краснову.

Оторвались от противника уже перед самым рассветом. Пулеметчик Матвеев прекратил огонь, когда не осталось в последнем диске ни одного патрона, а четыре гранаты ушли на неожиданно выросшую на путях отхода немецкую землянку.

— На трех немцев—четыре гранаты многовато, товарищ командир? — смущенно спросил Матвеев старшего лейтенанта.

— И впрямь многовато...

— Вот и я так думаю. Но иначе ничего не получалось.

— Не получалось? Тогда, значит, не

многовато, товарищ Матвеев.

Краснов собрал людей. Им было в холодно в эту промозглую ночь ранней зимы и жарко от жаркого боя. Без переклички увидел потери. Трое были убиты, семь—ранены. Помог перевязать двоих. И по старой своей привычке сказал:

— Добре!

3

Командир дивизии окончил доведение с изложением действий роты Краснова, отложил бумаги в сторону, взялся уже было за дымящуюся тарелку борща, но вдруг снова придвинул блокнот и быстро набросал следующее письмо:

«Милый мой дружище!

Не знаю, застанет ли тебя письмо в Академии или ты, старик, не вытерпел. Писать бы не взялся—сам понимаешь: фронт,— не будь неотложного дела. Одним из моих батальонов, лучшим, командует твой ученик—старший лейтенант Краснов. Командует хорошо—во всем чувствую смирновскую школу и не раз уже благодарил учителя. У Краснова остался «долг», по твоей кафедре, и он, говорят, очень горевал, что не мог сдать работу. Война не оставляет нам большого досуга. Думаю, что действия, описанные в прилагаемом донесении, дают право считать работу выполненной. Поставь ему за нее «отлично». Парень вполне заслужил эту оценку. Я же, со своей стороны, представил Краснова к ордену Ленина...»

Командир дивизии вызвал адъютанта и, передавая конверт с письмом и копией донесения, сказал:

— Проследите за тем, чтобы пакет ушел сегодня же. Его обязательно надо вручить адресату завтра, первого ноября.

НАТАША АЛЕКСЕЕВА

Меж густых ветвей почти неприметные тянутся нити проводов. Они спускаются в блиндажи, вьются по окопам, доходят до командных и наблюдательных пунктов. В одном месте провода собираются в пучок. Здесь центральная телефонная станция. В комнате сельского каменного дома у коммутатора сидит девушка. Простое, открытое лицо. Несколько едва заметных рябинок на лбу. Добрые глаза. Сейчас эти глаза необычайно серьезны. Идет бой.

— Мадагаскар.. Мадагаскар.. С вами будет говорить Борнео. Борнео, вас слушает Мадагаскар.

Голос телефонистки Наташи Алексеевой спокоен:

— Сейчас. На Суматре кончают говорить. Мадагаскар, не волнуйтесь, даю Суматру.

Странно звучат далекие, экзотические названия в русских лесах. Но Наташа привыкла к необычным позывным. Они даже нравятся ей. Иногда, в свободную минуту, она берет географическую карту и разглядывает в южных морях далекий Мадагаскар, или Яву, или Азорские острова.

Здесьшний Мадагаскар ближе, роднее и понятнее. И Наташа знает, что многое зависит от того, насколько быстро она свяжет Мадагаскар с Явой.

А на Яве, на Борнео и на Азорских островах знают ее спокойный голос, привыкли к ее точной, бесперебойной работе.

Только один раз произошла заминка.

Ява вызывала телефонную станцию и не услышала ответа. На Яве уже начали серьезно беспокоиться.

Но через две минуты послышался, как всегда, спокойный голос:

— Слушаю. Ничего. Все в порядке. Даю Борнео.

А за эти две минуты на телефонной станции произошли большие и важные события. Село, в котором находилась станция, подверглось сильному обстрелу вражеской артиллерии. Снаряды рвались совсем близко. Все стекла в доме вылетели. Наташа продолжала работать. Она не раз бывала в сложной обстановке, не раз уже под огнем работала ее станция. Но впервые она так остро ощущала дыхание войны. Испытывала ли она страх? Правду говоря, не было времени подумать об этом. Надо было работать. Ее ждали абоненты.

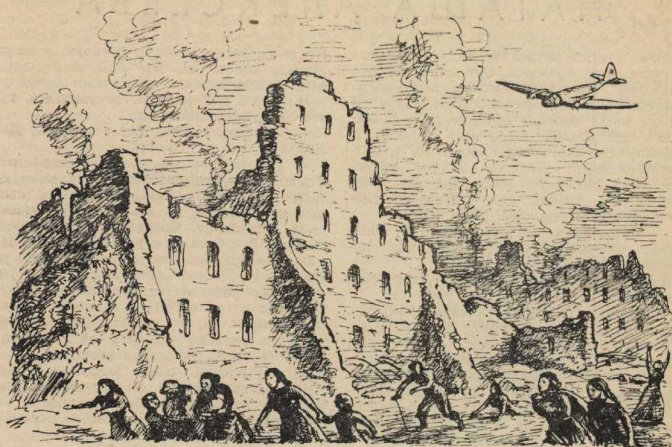
И вдруг погас свет. Здрожала земля. Посыпались камни и штукатурка. Наташу бросило на пол. Она была оглушена, Ложала и думала: «Это, конечно, снаряд.. Неужели конец?»

Она чиркнула спичкой. То, что увидела, сразу успокоило: аппарат лежал на боку, но провода были целы. Несколько открытых глазков настойчиво смотрели на нее. С каждой секундой открывались новые глазки. Наташу звали. Где-то шел бой.

— Слушаю,— сказала она.— Ничего. Все в порядке. Даю Борнео.

— Слушаю. Ничего. Все в порядке. Даю Борнео.

А

С

С

Его подбили в четвертой зоне.
 На сером лице проступила желчь...
 Вот он, в измятом комбинезоне,
 Враг, прилетевший бомбить и жечь.
 Теперь он, до боли сжав кулаки,
 Волком косится на наши штыки.
 Он, бомбы бросая десятки раз,
 Никогда не терял головы...
 Прожженный, годами натасканный асс,
 Он черным взглядом глядит на нас,
 Невидящим взглядом совы.
 На пепле, на горе, на смерти людей
 Он славу искал впереди!
 Четыре креста, как шляпки гвоздей,
 Торчат из его груди.
 Первый был в клетку грудную вбит
 За то, что бомбил Мадрид.
 За горящие заводы Парижа
 Второй прикрепили ниже.
 За то, что в Лондоне гибли дети,
 Ему навесили третий.
 А женщин норвежских предсмертный
 стон
 Закрыли четвертым железным крестом.
 Его, четырьмя крестами распятого,

Теперь мы лишили пятого.
 Поздно срывать кресты и погоны!
 И вот, коверная мой язык,
 Он спрашивает в последний фашистский
 гонор:

— Кто этот, сбивший меня большевик?
 — Я! — и вышел двадцатилетний
 Парень. В глазах мои небеса...
 Волосы цвета пшеницы летней,
 Солнце запуталось в волосах...
 — Мальчишка!

Раньше меня не такие
 Пытались поймать! —

и глотая зло:
 — Я в первый раз прилетел в Россию,
 Мне здесь случайно не повезло!..
 А парень, тронув рукой петлицы,
 Спокойно сказал:

— Вам нечего злиться:
 Заведено издавна так у нас:
 Уж если сюда долететь случится,
 То это

в первый-последний раз!

Город Красный
 (Северозападный фронт).

«ИСТРЕБИТЕЛЬ ФАШИЗМА»

В дымном сумраке опромного депо, среди ослепительных голубых вспышек электросварки, в грохоте молотков и скрежете стали стоит темная громада бронепоезда «Истребитель фашизма».

В дни войны одно из крупнейших московских железнодорожных депо зажгло напряженной жизнью. То и дело поступали в ремонт паровозы, нужно было срочно производить сложнейшие ремонтные работы, на которые в мирное время требовалось несколько дней.

Люди в депо работали не покладая рук, точно, быстро, хорошо. Но и молодым и старым рабочим казалось, что в дни великой отечественной войны их работа ничем не отличается от мирного времени. Кругом стремительно бежала жизнь: уезжали на фронт товарищи, сводки приносили весть о продвижении ненавистного врага, вражеские самолеты кружились над Москвой, а здесь, в депо, все также заменяли в танках прогоревшие колосники и пришабровывали подшипники дышла.

Транспорт — родной брат Красной Армии, а ремонт паровозов — та же боевая работа, но все же и молодые сварщики Володин и Афанасьев и старик Кузнецов, проработавший в депо тридцать лет, — все чувство-

вали внутреннее неудовлетворение, смутное желание делать какое-то другое, «по-настоящему» боевое дело.

Хотелось теснее ощутить свою связь с фронтом, непосредственно участвовать в войне.

Однажды в депо зашел работник политотдела и, мечтательно поглядывая на паровоз «ОВ», сказал:

— Товарищи, построим бронепоезд?..

Скупые на выражения удовольствия старики крутили усы и кивали головами. Молодежь, более экспансивная, хлопала друга по замасленным коленям:

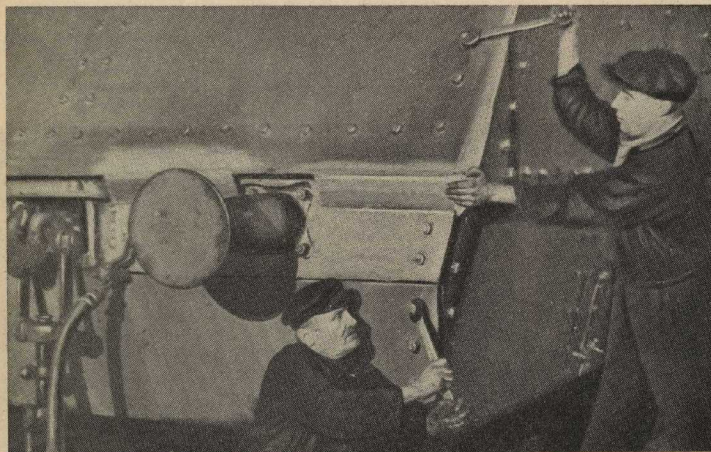
— Вот это — так дело!

Слесари, сварщики, механики, сверловщики, токаря, фрезеровщики — все оживилось, новая мысль всем прилась по душе.

Один из южных заводов прислал чертежи. Но на чертежах стояли пометки, что все размеры и изменения должны вноситься на месте производства.

— В восемнадцатом году, в гражданскую, помнишь, пригоняли нам с Севера красные бронепоезда? — Алексей Федорович Кузнецов морщит лоб и помаргивает серыми, ястребиными глазами. — Мы тогда с ними много повозились.

Опыт старого машиниста-орденоносца

Слесари С. А. Новожилов (слева) и комсомолец И. Я. Никитин монтируют бронеплощадку.

*Пять норм в день дает токарь
Я. Ф. Сергеев.*

Петра Никитича Басова и заводские чертежи — депо все это соединило, спаяло крепким желанием всего коллектива. Через пятнадцать дней на путях депо стоял белоснежный — под цвет зымы — железный красавец, покрытый толстой, непроницаемой для пуль броней. Пятнадцать дней — неслыханный, небывалый срок! Его назвали «Истребитель фашизма» и отправили на фронт. Провожать бронепоезд явилось все

депо: «Истребителем» гордился каждый рабочий.

Прошло всего несколько дней, и вновь в депо стоит паровоз, одетый в железный каркас, уже намечающий формы будущей брони. Это второй бронепоезд, строящийся в депо. И снова с воодушевлением железнодорожники взялись за работу.

Молодой сварщик коммунист Афанасьев трое суток режет железные листы для брони, ползает по листам на коленях. Восплаивает под его руками голубой огонь, искры рассыпаются по черному полу депо. На лице Афанасьева маска, похожая на ту, которую надевают фехтовальщики. Он снимает маску: у него воспалились глаза.

— Шел бы отдохнуть, — говорят ему товарищи.

— Какой же теперь отдых? — усмеяется Афанасьев. — Война кончится, тогда отдохнем. После победы, — прибавляет он и снова надевает маску.

У двух боевых башен много людей. Здесь слесари — все молодые ребята — заворачивают болты, навешивают двери, пригоняют петли, в то время как сварщик Володизин заканчивает швы. Боевые башни особенно интересуют молодежь депо.

— Чтоб легко башня вращалась, чтобы со всех точек била гадов проклятых! — и два белокурых парня старательно припиливают зубья шестерен.

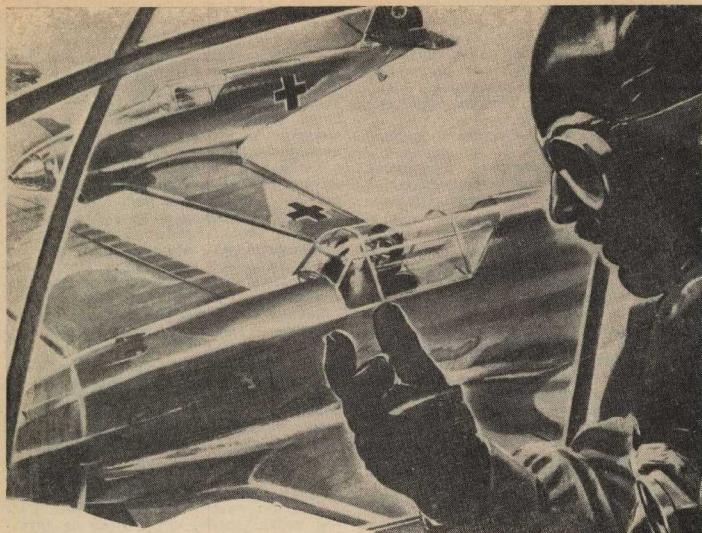
Бригада молодежи — слесарь Барышев, Фомин, Кудрявцев — собирает командирскую рубку, делает щитки со щелями. Первый бронепоезд многому научил их: они знают теперь порядок сборки и монтаж частей. Проходит день, наступает ночь, потом снова день, а они все там же, в депо, у будущей командирской рубки.

Фронт ждет оружия — это знают и чувствуют все в депо. И с огромной любовью куют это оружие для расправы с врагом московские железнодорожники.

*Заместитель начальника депо П. Н. Басов дает задание строителям бронепоезда
П. И. Афанасьеву и А. И. Балдуеву.*

Гай ДЖИЛПАТРИК

Бомбардировщик возвращается на базу

Его разбудил телефонный звонок. Быстро повернув выключатель, он встал с койки, хрустнул суставами пальцев.

— Семьдесят восемь! — проговорил он и, отвечая на вопрос, добавил: — Сэлмэн у телефона.

— Доброе утро, Сэлмэн, — услышал он знакомый голос. — Похоже, что это будет сегодня... В двенадцать ноль ноль по гринвичскому времени.

— В двенадцать ноль ноль по гринвичскому времени, — повторил Сэлмэн.

— Совершенно верно, Сэлмэн, — послышался медленный, чуть сдвинутый вздох. — Вы знаете мое восхищение вашим предприятием. Все мое уважение к вам... Так до свидания, старина! Желаю успеха!

Вот и все. Без драмы. Без разной чепухи о том, что «Англия ждет от вас»... и так далее. «Настоящий вояка — наш премьер», — подумал Сэлмэн.

Ашер Сэлмэн нажал кнопку. Одеваясь, он услышал заглушенный шум, перерастающий в правильные, ритмичные звуки. Затем донеслись четыре взрыва, встряхнувшие комнату словно от землетрясения, и сквозь открытый люк в потолке донесся неровный, захлебывающийся рожот запускаемых моторов.

По вертикальной железной лестнице он поднялся наверх. В комнате дежурного по штабу потрепывал телетайп, заглушаемый мощными звуками, доносящимися снаружи. Офицер поднялся и протянул ему лист.

— Последняя метеосводка, сэр, — сказал он. — Победа благоприятна. Всем прожекторным и зенитным батареям на всем пути до бережья отдан приказ приостановить работу.

— Благодарю вас, Арихей! — сдвинув шлем на затылок, произнес Сэлмэн, читая сводку погоды.

— Вполне приемлемо, — прошептал он. — Потолок как раз такой, каким ему следует быть, а облачность нам наруку. Операция начинается, Арихей!

Арихей не ответил. Сэлмэн удивленно взглянул на офицера, затем улыбнулся и потрепал его по плечу:

— Успокойтесь, Арихей, успокойтесь! Ну, счастливо оставаться, старина!

Сэр Ашер застегнул замок-молнию на своем подбитом светлой цыгейкой летном комбинезоне и вышел в ангар, в котором стоял большой черный четырехмоторный

«тонкер». На крыльях и фюзеляже были видны германские кресты, на киях — фашистская свастика. Борясь с встречным воздушным потоком, Сэлмэн подошел к группе, стоявшей возле фюзеляжа:

— Доброе утро... Моторы прогреты, Колмэн?

— Прогреты, сэр! — доложил старший техник.

— Хорошо, — и, обращаясь к экипажу, одетому в летные комбинезоны, сказал: — Мы долго ждали этого момента... Наконец он наступил. Дайте пожать ваши руки — вашу, Саймонс, вашу, Барух, вашу, Броун, ваши также, Вульф-Кэрзон и Льюин, — он хотел сказать им что-то хорошее, и если это не получалось, то это была не его вина. — По местам.

Сэлмэн и командир эскадрильи Льюин заняли места в пилотской кабине, стрелки-радисты Вульф-Кэрзон, Броун, Саймонс и Барух разместились в своих турелях. Мгновение стояла полная темнота. Затем показалась щель с черным зимним небом и звездой. Щель становилась все шире, вскоре створ ворот оказался открытым — впереди были небо, вода, деревья и туманные поля.

Сэр Ашер застегнул ремни парашюта и включил телефон.

— У пулеметов! Все в порядке? — спросил он.

— Все в порядке наверху...

— Все в порядке в хвосте...

— Наверху все в порядке, сэр...

Он положил руку на плечо пилота:

— Все в порядке, Льюин. Пошли...

Огромная машина дернулась и медленно покатилась вперед. Потом хвост ее приподнялся, она сильно рванулась во мрак. Полоска воды лежала на ее пути, шины колес ударились о поверхность, рассыпая водяные брызги. Машина промчалась по воде и оторвалась. Они летели!

Когда вода выскользнула из поля его зрения, Сэлмэн одобрительно кивнул головой. Пруд голубиной в пять сантиметров с бетонным выкрашенным дном был его собственной идеей. Немцы не знали о существовании этого аэродрома и ни разу за время войны его не бомбили. При самой тщательной аэрофотосъемке купол ангара казался покрытым мхом островком.

Сэлмэн подключил телефоны стрелков-радистов и, когда все четыре точки отозвались, сказал:

— Идем на выполнение задания, друзья. Цель — здание имперской канцелярии в Берлине. Время бомбежки — сегодня в полдень. Премьер просил передать вам свои лучшие пожелания, свое восхищение и благодарность, — он замолчал на мгновение, потом добавлял: — Если английский самолет будет атаковать нас или окажется в сфере действия пулеметов, — сбивайте.

Было бы ужасно стрелять в своих. Сэлмэн молил судьбу, чтобы этого не случилось. Он надеялся, что при выключенных опознавательных огнях ни один «спитфайер» или «харрикейн» не обнаружит их в

— Хорошо! Вводите машину в пик! И цельте в самый центр двора. Круче, Льюин, круче!

облаках. Но за широким поясом белой облачности, которая словно саваном скрыла Северное море... А дальше на восток, низко на горизонте, он увидел стелющуюся бледную полоску рассвета. Там они могли попасть в передельку. Так или иначе кто бы это ни был: немецкий, английский ли самолет,—никто не оставит их. Черный бомбардировщик, груженный доотказа взрывчатыми веществами, должен долететь до места, и он долетит.

Льовин толкнул его локтем:

— Не сказал ли премьер, кто да кто там будет?

— Нет. Но за парочку главарей с оружероссами и свитой ругаюсь.

Льовин заворчал и взглянул на прибор:

— Чем больше, тем веселее. Был бы только он! Он!—Льовин сжал одетую в перчатку руку в кулак.— Он! Он!

Сэр Ашер молча кивнул. Он склонился над картой, взглянул вниз. Там он различал поля, обсаженные деревьями дороги. Потом навстречу поплыло море. Он прицелился, прижался щекой к холодному стеклу. Сэлмэн хотел увидеть родную землю. Он все еще видел ее. Затем берег скрылся.

Сэлмэн опустился на сиденье. Над голландским побережьем словно привидение сновали лучи прожекторов, вспыхивали разрывы зенитных снарядов. Внизу был густой туман, но даже сквозь него пробивалась пламя пожаров: горели доки.

— Возьмите выше, Льовин,—приказал он.— В этой каше делать нам нечего.

— Есть. Похоже на то, что наши поддали им жару,—глаза Льовина следили за альтиметром.— У-у, неуклюжий мерзавец...

Замечание относилось к «юнкерсу»: он слишком медленно набирал высоту.

— Я все еще вижу ее, начальник,—послышался голос стрелка-радиста Баруха.— Едва-едва. Тут просвет в облаках и...

— О чем вы говорите, Барух?

— Я вижу Англию, начальник. Мне казалось, что вам будет приятно это...

— Конечно, конечно!.. Благодарю вас, Барух.

— Есть, начальник. Но сейчас, да, вот сейчас, она скрылась...—голос Баруха умолк.

Льовин мотнул головой:

— Хороший малый — этот Барух, сэр!

— Если бы не так, он не сидел бы в задней турели.

Снова наступило молчание.

— Только бы парни из разведки не подвели,—послышался через несколько минут голос Баруха.—И вдруг эта жирная свинья уйдет!..

Сэлмэн хмыкнул:

— Ну, во всяком случае, ему придется построить себе новый домик.

— Это уж, конечно. Но...—Льовин опустил кулак на штурвал,—но если мы не доставем его...

— Не беспокойтесь, Льовин,—спокойно произнес он.—На этот раз парни из разведки не ошиблись.

Уже в лучах яркого солнца они приближались к Амстердаму. Время от времени внизу виделись вспышки выстрелов.

— Кажется, там заварилось крепкое дело,—сказал Сэлмэн.—Возьмите-ка еще повыше. Если мы...

— Пять «мессершмиттов», нет, шесть над нами, справа и слева,—раздался голос Броуна.—Да их целая дюжина!..

— Десять «мессершмиттов» слева, — вмешался Барух.

— Вижу,—отозвался Сэлмэн.—Ну что ж. Они будут сопровождать нас. Очень мило с их стороны.

А немцы действительно сопровождали «юнkers». Командирская машина с драконами во всю длину фюзеляжа шла настолько близко к «юнкерсу», что Льовин видел лицо немца.

Сэр Ашер весело помахал рукой, одновременно крикнув:

— Стрелки! Уберите руки от пулеметов! Улыбайтесь! Будьте вежливы!

Мгновение спустя командирский «мессершмитт» пошел в шкве.

— Гнусные фашистские фокусники! — зло заметил Льовин, показывая на уходящие вслед за их командиром германские истребители.

Сэлмэн рассмеялся:

— Они не будут так веселиться, когда услышат двухчасовую сводку.

— Так вы не думаете, что фашисты постараются замолчать это дело?

— Сомневаюсь. Только этим скотам крики тоже не помогут.

Льовин секунду помолчал:

— Как долго все это будет тянуться?

Сэлмэн пожал плечами:

— Премьер говорит, что теперь уж победа не за горами.

— Только бы нам увидеть ее... Чтобы все мы сидели у приемника... и...

Ослепительная полоска света со свистящим, завывающим звуком, словно разрывая на части воздух, пронеслась над их головами. Затем со всех направлений послышались треск пулеметов и прохот 37-миллиметровых пушек. Шесть английских истребителей «клиффайнт» врезались в строй немецких самолетов. Один из фашистских истребителей почти тотчас задымил и резко пошел к земле.

Истребитель с драконом снова появился в поле зрения. Его пилот, держа во рту толстую сигару, усмехнулся.

— Дьявол! — в ярости закричал Льовин.— Взгляните только на проклятого хвостуна!

Самолет с драконом покачал на прощание плоскостями и отвалил.

— Пробоины в фюзеляже! — голос Баруха был возбужден.—Приборы в порядке?

— Осмотрите приборы, Льовин.

«Юнкерс» хорошо слушался управления.

— Кажется, все в порядке, Барух.

Сколько машин обстреляло вас?

— Только один... но яростно. К счастью, я не зацепил его!

— Проклятие, вы должны были!
— Так точно, сэр. Я держал его на прицеле три—четыре секунды, но не мог открыть огня. Кажется, он слегка задел меня.

— Что? Вы ранены?

— Не знаю, я ничего не чувствую, это—самое забавное во всем. Но тело от пояса и ниже не слушается меня.

— Барух ранен,—послышался голос Саймонса.— Вижу кровь, стекающую через пробоины на пол.

— Благодарю, Саймонс. Барух, Барух, слушайте! Оцупайте себя. Постарайтесь найти рану. Зажмите ее чем-нибудь: платком, перчаткой. Постарайтесь приостановить кровотечение. Вы слышите меня, Барух?

— Ответа не было.

— Барух! Хвостовой пулемет! Барух!— кричал Сэлмэн.

Стрелок-радист молчал.

— Если б была хоть какая-нибудь возможность добраться до него! — застонал Льюин.

Сэлмэн покачал головой. Добраться было невозможно: все было забито бомбами...

— Кровь все течет, — доложил Саймонс, — все больше и больше.

Льюин закрыл глаза.

— Льюин! Следите за курсом.

В течение следующего часа они произнесли трюк считанные слова. И Сэлмэн и Льюин чувствовали себя напряженно и нервно. Сэлмэн подумал, что вряд ли им удастся вернуться целыми и невредимыми из своего полета... Все равно дело того стоило...

Время от времени в поле их зрения проходили патрулирующие истребители. Сэлмэн опознал Везер, заводские районы Ганновера. Далеко на юге увидел горы Гарца. Внезапно в кабине послышался голос Баруха:

— Хелло! Молли! Вы здесь?

Рука Льюина крепче сжала штурвал.

— Молли — это моя сестра, — объяснил он Сэлмэну. — Они помошальны.

— Хелло! Кто у телефона? — уже нетерпеливо спрашивал Барух. — Мне нужна инесс Молли Льюин. Лью-вин!

— Один момент, мистер Барух, возьмите, — произнес Сэлмэн, протягивая телефон Льюину, — поговорите с ним.

Льюин глубоко вздохнул.

— Алло, Джо! — весело произнес он.

— А, Боб, здорово! До тебя довольно трудно дозвониться! Послушай, Бобби, я говорю из Кани. Молли здесь?

— Нет. Сейчас ее нет.

— Послушай, Бобби, передай ей, что я жду ее. Жду, понимаешь?

— Все в порядке, Джо, будет передано. Как ты себя чувствуешь?

— Я? Чудесно. Разве только... вот ноги отсыдел. Ты понимаешь, сиюгу тут уже пять часов и ног не чувствую.

— Бредит, — прошептал Льюин.

Слезы текли у него по щекам. Сэлмэн отвернулся и укрadкой вытер глаза.

В 11.25 они пересекли Эльбу у Тангермонде. «Юнкерс» был всего в шестидесяти милях от Берлина.

— Убавьте скорость до ста миль! — приказал сэр Ашер.

Он пытался придумать тему для разговора, чтобы отвлечь свои и Льюина мысли.

— Снег не очень сильно меняет картину. Как вы думаете?

Льюин кивнул. Из плоской металлической коробки сэр Ашер достал детальную карту Берлина. Подозил ее на колени. На карте красным было помечено четырнадцать букв, каждая из которых указывала объекты бомбометания. Указал пальцем на букву К.

— Вот, Льюин, — сказал он, — не хотите ли взглянуть?

— Не требуется, начальник, я мог бы найти путь туда с завязанными глазами.

А внизу пыло бесконечное нагромождение домов, улиц, кварталов. Берлин. Сэлмэн видел эти улицы, эти бульвары. Ему казалось, что он даже видит пешеходов.

Миновали Шарлоттенбург. Направо остались ипподром и зоопарк. Прямо под ними раскинулись Тиргартен, Бранденбургские ворота и Унтер ден Линден. Сэлмэн вновь взглянул на часы. Его сердце сильно билось. Руки, ноги холодны, как лед. Было трудно дышать.

Он пронеслись над Бранденбургской площадью и вдоль Унтер ден Линден.

— Вот! — сказал он внезапно, указывая пальцем вниз. — Видите это белое здание?

— Да.

— Видите ковры на лестнице? И флаги? И охрану? И автомобили? Мотоциклов? Видите?

— Да.

— Они въезжают во двор!.. Ну! Итак... — он потрeпал Льюина по плечу. — Парни из разведки были правы.

Льюин кивнул.

— Возьмите горку и развертывайтесь на них.

Огромный самолет взревел над крышами домов в широком, подъемном выраже. На одной из крыш старая женщина перестала выбивать ковры и взглянула наверх. С другой — в полуденное солнечное небо вылетела стая голубей, блестя на солнце, словно белые листы бумаги. Самолет взял направление.

Сжав штурвал, Льюин неотрывно смотрел вниз:

— Ну, вот теперь, начальник! Они у нас на прямой!

— Хорошо! Вводите машину в пике! И цельте в самый центр двора. Круче! Льюин, круче!

*Перевод с английского
Юрия СМЕРНОВА*

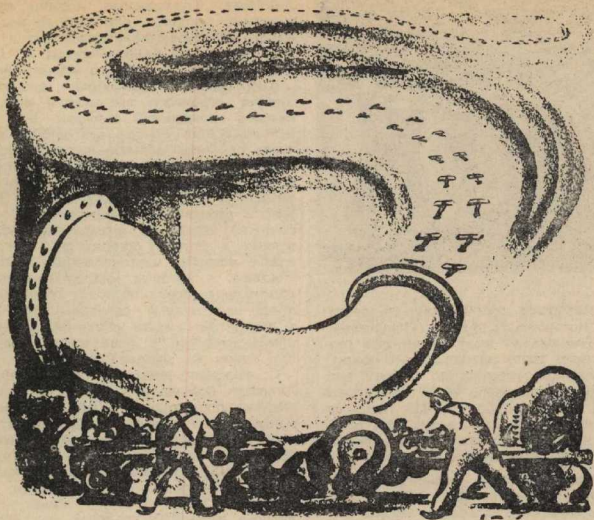

Рисунок американского художника Фитцпатрика

АРСЕНАЛ ДЕМОКРАТИИ

В недавно напечатанной в американском журнале «Популар Сайенс» статье «Битва миллиардов» автор пишет: «Враги не должны забывать, что если положение станет серьезным, то мы можем совсем отказаться от производства холодильников и красивых автомобилей и использовать средства и силы для выпуска смертоносных самолетов, танков и боевых кораблей в количествах, которых не видел мир. Пусть не забывают враги, что не менее пяти раз на протяжении нашей истории мы буквально в течение одной ночи меняли свой облик: из нации безработных янки мы превращались в угрожающую армию оружейников и кузнецов, работающих в поте лица своего».

Момент, о котором пишет автор статьи, наступил. В одном из своих выступлений президент США Рузвельт говорил: «Будем производить и отправлять с каждым днем все больше и больше вооружения для людей, сражающихся на действительном фронте,— это наша первая задача».

Программа вооружения, осуществляемая Америкой, поистине грандиозна. Как из рожка изобилия выходят современные виды оружия с военных заводов США.

По данным американской печати, Германия ежегодно затрачивает на вооружение свыше 20 миллиардов долларов. «Америка должна опередить в этом Германию,—

пишет автор «Битвы миллиардов».—Панамский канал строился десять лет и обошелся в полмиллиарда долларов. Нынешняя программа вооружения требует затраты труда и материалов на сумму, в сорок раз превышающую стоимость этого канала, и не за десять лет, а в один год».

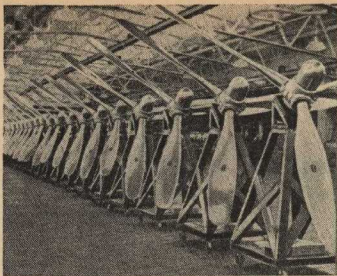
Около двух лет назад в Америке началась мощная кампания за увеличение вооружения. Правительством США были приняты меры по расширению и модернизации оборудования машиностроительных заводов.

В общих чертах американская годовая программа вооружений выглядит следующим образом:

- 56 тысяч самолетов (в том числе 6 тысяч тяжелых бомбардировщиков);
- 150 тысяч самолетов;
- 42 тысячи тяжелых и легких артиллерийских орудий;
- 13 тысяч гаубиц;
- 33 миллиона артиллерийских снарядов;
- 300 тысяч пулеметов;
- многие тысячи танков.

Реализация этой программы идет полным ходом. Вступают в строй сотни новых заводов. К выпуску танков дополнительно привлекаются 5 крупнейших в мире паровозостроительных компаний.

«Современная война есть война моторов. Войну выиграет тот, у кого бу-

лет подавляющее преобладание в производстве моторов» (Сталин). Общеизвестно, что Америка по выпуску моторов разных систем и типов находится вне конкуренции. Заводы Америки, по данным американской печати, скоро смогут выпускать 12 тысяч моторов и больше $4\frac{1}{2}$ тысяч самолетов ежемесячно. Это в три раза больше, чем может выпускать Германия вместе со всеми оккупированными ею странами.

Примером гигантского развертывания военной промышленности США могут служить авиомоторостроительные заводы Аллисон, которые вместе с заводами Кертис Райт и Пратт и Уитней полностью покрывают потребность в авиомоторах. Мотор Аллисона—лучший в США мотор истребительной авиации. Его собирают (справа внизу) самые квалифицированные мастера. Для его сборки требуются десятки тысяч деталей (внизу слева). Десять моторов делали на заводах Аллисона в январе, тридцать пять — в сентябре.

Сейчас количество выпускаемых моторов значительно увеличилось. (Наверху вы видите винты, подвешенные для сборки однодневной продукции.) Каждый день подвешиваются с аэродромов новые десятки американских истребителей с моторами

Аллисона. Управляемые нашими замечательными соколами, они дерутся под Москвой, пилотируемые англичанами и новозеландцами, они наносят удары в Ливии. Они готовятся к боям на новых фронтах.

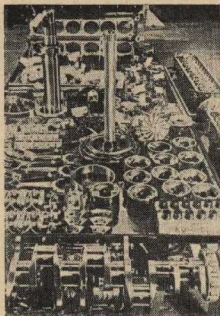
Американская программа вооружения требует огромного напряжения всех сил великой заокеанской державы. Вся могучая индустрия страны, все заводы, в том числе и сотни новых,— все это работает на всю мощь. Американская промышленность нуждается в миллионах рабочих и механиков высокой квалификации. Подготовка рабочей силы занято большое количество заводов и молодежных, общественных и других организаций. По всей стране открыты многочисленные заводские училища, в которых миллионы людей в уплотненные сроки проходят обучение, получая необходимые специальности. Внизу в центре вы видите обучение сборщиков крыла самолета в ремесленном училище при одном из авиозаводов США.

С каждым днем военная продукция Америки повышается. Темпы увеличения выпуска продукции в США поразительны. Американский журнал «Тайм» пишет, что подготовленность США к войне уже теперь выше уровня не только 1917, но даже и 1918 года, когда американская армия уже сражалась на полях войны.

Конечно, это сравнение имеет смысл лишь в известных пределах, так как характер, размах и требования современной войны совершенно иные, чем в те годы. Очевидно одно: военная промышленность США начала активно развертывать свои возможности, возможности поистине грандиозные, и правительство Рузвельта делает все, чтобы использовать их полностью. На это мобилизованы государственный аппарат страны, мощнейший промышленно-хозяйственный организм, миллиарды долларов.

Миллиарды, превращенные в самолеты, танки, орудия и боевые корабли, вступают в бой на горе немецко-фашистским захватчикам и их союзникам в Тихом океане.

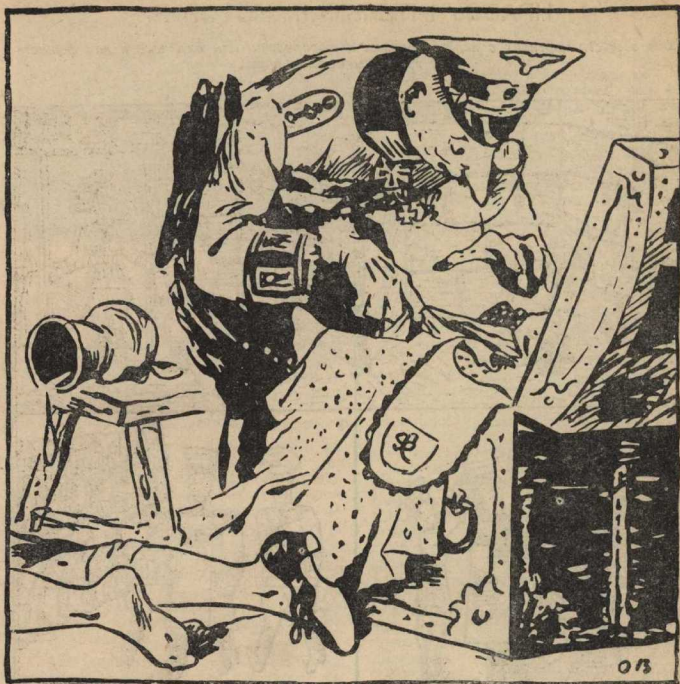
Г. Ионов

ПРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Фарс в шести картинах с переодеваниями и сюрпризами, или для чего и как фашистские мерзавцы делают царей.

ЛИЦО ВРАГА

Его лакированным сапогом
 Выбиты двери в дом,
 И пару в перчатки затянутых рук
 Он запустил в сундук.
 Женская кофта. Старый платок.
 Что он еще найдет?
 Детский слюнявчик. Ситца кусок.
 Все ему подойдет!
 Он не отмычкой вооружен

И не простым ножом —
 Новейшим оружием запасся он
 И занялся грабежом.
 Он самых отборных кровей барон,
 У него монокль и пробор,
 Золотой погон и приставка «фон» —
 Он господин фон Вор!
 Вечный ему позор!

М. Слободской

Отв. редактор Г. С. ФЕДОСЕЕВ.

Адрес редакции: ул. Воровского, д. 52.

Тел.: Д 1-51-04.

В 25185. Изд. № 65. Тираж 60 000. Подписано в печать 5/1-42 г. Заказ 3216.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.